К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЕ СВОДОВ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1832–1857 гг.

УДК 340.130

Р.С. ТАРАБОРИН

Созданный в конце первой трети XIX в. Свод законов Российской империи – является одним из наиболее ярких и известных источников в истории российского права. Со времени принятия свода и до настоящего времени, уже на протяжении почти двух столетий рассматриваются и оцениваются его характеристики, исследуются достоинства и недостатки. Одним из дискуссионных в историко-юридических исследованиях вопросов выступает оценка юридической силы действия свода законов, поскольку его юридическое действие является конечным результатом систематизации законодательства, составления и существования акта.

Впервые вопрос о юридической силе первого издания свода законов 1832 г. был поставлен при его утверждении на заседании Государственного совета 19 января 1833 г. Представлявший свод М. М. Сперанский предлагал три варианта решения: 1) «признать статьи свода единственным основанием в решении, так чтобы текст законов служил только доказательством источников, из которых статьи составлены, но не был бы сам собою в делах употребляем»; 2) «признать статьи свода законом, но не единственным и не исключительным, но действующим в тех только случаях, где нет сомнения ни о существовании закона, ни о смысле его; как же скоро предстоит это сомнение, то прибегать к самому тексту закона и разрешать его предпочтительно по этому тексту»; 3) «признать прежний текст закона единственным и исключительным основанием решения, а статьи свода считать только средством совещательным к приисканию их и к познанию их смысла». При этом сам Сперанский, признавая определенное преимущество в первом решении, настаивал на втором, мотивируя это тем, что от признания за сводом силы закона могли бы пострадать интересы частных лиц.

Император Николай I, внеся коррективы в предложения Сперанского, внес на рассмотрение Государственного совета четыре варианта решения: 1) первое решение дословно повторяло формулировку первого положения Сперанского; 2) «признать статьи Свода законом действующим, но вместе с тем постановить, чтобы в некоторых определенных случаях можно было обращаться к самому тексту закона и в нем искать разрешения»; 3) третье решение повторяло третье предложение Сперанского; 4) «признать в течение некоторого определенного времени текст закона основанием к решению, как он признается и ныне, но в то же время постановить, чтобы вместе с ним приводимы были статьи Свода, им соответствующие». Предлагая эти решения, государь пояснял, что прежде чем создавать новые законы, необходимо собрать в одно целое старые, и в этом должна состоять цель свода.

После долгих обсуждений Государственный совет, вняв мнению императора, высказался за первое решение, признав, что: «во всех отношениях полезно и достоинству правительства соответственно издать Свод в виде законов, коими в решениях исключительно руководствоваться должны». Но при составлении журнала заседания среди членов совета возникло разногласие относительно правильности его составления. Часть членов (меньшинство) посчитала неверными слова пункта II журнала: «...Свод получает исключительную силу закона». Возникшее разногласие разрешил государь, наложив на журнале заседания 19 января свою резолюцию: «Журнал составлен совершенно правильно, согласно моим намерениям, в совете изложенным. Свод рассылается ныне же, как положительный закон, которого исключительное действие начнется с 1 января 1835 года».

На основании журнала заседания государственного совета был издан Высочайший манифест от 31 января 1833 г. Некоторые его положения также имеют значение для юридической силы свода законов: 1) «свод имеет воспринять законную силу свою и действие с 1 января 1835 г. »; 2) «законная сила свода имеет тогда состоять в приложении и приведении статей его в делах правительственных и судебных...»; 3) «свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок...».

12 декабря 1834 г. появился еще один документ, отчасти характеризующий юридическое значение свода законов. Это высочайше утвержденное мнение Государственного совета – «О приложении и употреблении

Свода законов Российской империи в производстве дел». Согласно нему, «как по общему правилу действие закона предыдущего может измениться законом последующим, то каждый раз, когда приводится или указуется статья свода, нужно удостовериться, не изменилась ли она состоявшимися после свода узаконениями... как свод не постановляет законов вновь, но есть только состав законов существующих, то по наступлении срока их действия не только присутственные места, но и частные лица обязаны вместо указов приводить статьи свода».

Рассмотрение процесса наделения свода законов юридической силой демонстрирует источники изучения вопроса: 1) журнал заседаний Государственного совета от 19 января 1833 г. и наложенная на нем резолюции императора Николая I; 2) высочайший манифест от 31 января 1933 г.; 3) высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 12 декабря 1834 г.

Рассматривая указанные документы, исследователи придерживались различных взглядов. Лазаревский [3, с. 32], основываясь на наложенной государем резолюции, признавал силу закона за сводом 1832 г. Но резолюция не была обращена к исполнению и непосредственной юридической силы не имела. Поэтому за резолюцией, по мнению Е. К. Побединой, «...может быть признано только значение мотива, обязательного лишь постольку, поскольку он отразился в законе» [8, с. 141]. Исходя из этого факта, нельзя судить о юридической силе свода, основываясь только на наложенной государем резолюции.

Сильно расходятся мнения авторов относительно толкования изданного 31 января 1833 г. манифеста. Высочайший манифест содержит выражения «законная сила» и «законные книги», но в то же время в нем отсутствует положение, прямо и определенно указывающее, что свод имеет силу положительного закона. Н. М. Коркунов [2, с. 21] и Лазаревский [3, с. 32] отрицали тождественность выражений «законная сила» и «законные книги» понятию «сила закона». Напротив, М. А. Лозина-Лозинский [4, с. 47–48], ссылаясь на общий дух манифеста и на смутность этих понятий для того времени, придавал этим словам значение выражения «сила закона». Основываясь на манифесте, А. И. Пахарнаев считал, что «...статьи свода имеют одинаково обязательное значение с их первоисточниками» [7, с. 75].

Согласно манифесту, «законная сила» состоит в «приложении и приведении в делах статей свода» вместо подлинного текста законов. Отсюда следует, что смысл слов «законная сила» несколько иной, чем смысл слов «сила закона». Ведь «приведение в делах статей свода» еще не значит, что последнему придается сила исключительного закона. В манифесте используются очень неопределенные формулировки, и, основываясь на выражениях «законная сила» и «законные книги», нельзя определенно придавать своду законов силу исключительного закона.

Между тем манифест гласит: «как свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок...». М. А. Лозина-Лозинский [4, с. 48] отрицал значение этих слов, говоря, что в них не содержится повеления. А. И. Каминка [1, с. 12] видел в них только характеристику свода, не определяющую его силы. Но представляется, что даже если и видеть в этих словах только характеристику свода, то по ясности своего содержания она решает вопрос о его юридической силе. К тому же «взгляд этот ни чем не опровергается, он есть единственное утверждение самого закона по вопросу о юридической силе свода» [8, с. 142], и видно, что это утверждение согласуется с целью принятия свода, которая также содержится в манифесте: «...повелели Мы... одни действующие ныне в Империи Нашей законы соединить в правильный и единообразный Свод и изложить их в точной силе их, без всякого в существе их изменения».

Еще более конкретно юридическое значение свода закреплено в высочайше утвержденном мнении Государственного совета от 12 декабря 1834 г., где говорится: «как свод не постановляет законов вновь, но есть только состав законов существующих...». Кроме того, «...когда приводится статья свода, нужно удостовериться, не изменилась ли она состоявшимися после свода узаконениями». Другими словами, перед применением статьи свода нужно было сопоставлять с узаконениями, принятыми в период с 1 января 1832 г. по 31 января 1833 г.

После введения в действие первого издания свода законов возник вопрос о его текста с подлинными законами. По этому поводу 23 декабря 1836 г. состоялось высочайше утвержденное мнение Государственного совета, согласно которому, в случае противоречия статей свода подлинным текстам законов, министр юстиции разрешает его со II отделением собственной е. и.в. канцелярией, а если между ними не будет достигнуто согласия, то вопрос выносится на рассмотрение Государственного совета. Это правило подтверждает положения манифеста и закона

от 12 декабря 1834 г. в том, что «свод не изменял старых законов, следовательно, он не был новым законом». Также свод законов не отменил противоречащие ему узаконения, а они вошли в состав последующих продолжений свода (См.: ПСЗ-2. №№ 5053–5946.) Свод законов 1832 года, не имея силы отменять предыдущие законы, был не новым законом, а лишь систематизированной совокупностью ранее действовавших законов.

Все дела, возникшие до 1835 г. (вступление в действие свода), должны были разрешаться согласно статьям свода законов. Обычно новые законы имеют обратную силу в виде исключения, о чем прямо указывается в самом законе. Однако, как уже было сказано, свод не стал новым законом, а являлся лишь «составом старых законов». И, вследствие сохранения силы самих старых законов, распространял свое действие на отношения, возникшие до вступления его в силу.

Поскольку свод законов был сборником старых законов, неминуемо возникает вопрос: свод первого издания заменил собой первоисточники, из которых он был составлен, или же он, представляя собой приведенный в систему сборник этих первоисточников, подлежит сверке с первоисточниками и действует постольку, поскольку не противоречит подлинному тексту и общему духу первоисточников? Согласно ст.ст. 72–73 действовавших в то время основных государственных законов, «закон сохраняет свое действие, доколе не будет отменен силою нового закона», и «отмена закона существующего совершается тем же порядком, какой означен выше для составления законов». Основываясь на этих положениях и принимая во внимание слова манифеста от 31 января 1833 г., что «в случае неясности самого закона в существе его, так и в случае недостатка или неполности его, порядок пояснения и дополнения остается тот же, какой существовал доныне», можно согласиться с тем, что «...статьи Свода имеют одинаково обязательное значение с их первоисточниками» [7, с. 75]. Следовательно, закреплялся порядок параллельного существования свода и его первоисточников, т. е. свод законов 1832 г. действовал одновременно с его источниками, и лишь постольку, поскольку им не противоречил.

Некоторые авторы справедливо подвергали сомнению значение за сводом законов нового закона, основываясь на том, что «...свод этот как единое целое никогда не был рассмотрен в законодательном порядке...» [7, с. 78]. Действительно, не было юридических оснований для придания своду, хотя и не являвшемуся новым законом, силы закона. Поэтому, рассмотренными выше документами свод получил юридическое значение, потому что основывался на действующих законах, принятых в установленном порядке. Таким образом, нормы свода законов имели силу закона не потому, что были в него включены, а потому, что служили отражением подлинных законов, и, следовательно, юридическая сила утрачивалась при их несоответствии и противоречии подлинным законам.

Но действие свода осложняется тем, что в издание 1832 г. вошло много постановлений, не имеющих силу закона. Вместе с законами в свод вошли «...многие такие письменные акты, которые не только никогда не рассматривались в законодательном порядке и не получали законодательной санкции, но даже и такие, которые совсем не исходили от верховной власти и не были никогда обнародованы, и которые до того времени – следовательно – были не только не обязательны для всех, но даже и не всем известны, предполагая всеобщую известность реально наступившею (конечно с известной натяжкой) со дня обнародования» [7, с. 75]. Это были сенатские указы, административные распоряжения, ордера министра юстиции и т. д. В связи с этим возникает вопрос, какую силу имели, или по крайней мере должны были иметь статьи свода законов, основанные на таких незаконодательных постановлениях? По этому вопросу М. А. Лозина-Лозинский полагал [4, с. 48], что при издании свода приводились к одному уровню по силе и законодательные постановления, и постановления, не имеющие санкции верховной власти. Свои выводы он основывал на необнародованном высочайше утвержденном 15 декабря 1834 г. мнении Государственного совета о том, что в свод вводятся: 1) распоряжения министров, утвержденные сенатом, а распоряжения министра финансов по таможенной части – даже без утверждения Сената и 2) пояснительные меры, опубликованные от Сената. Но этот закон не придает силы закона незаконодательным постановлениям и, следовательно, не решает вопроса о законодательной силе свода. Он устанавливает только содержание свода, перечисляя все постановления незаконодательного характера, которые обязательно вводятся в свод. В связи с этим представляется, что уместнее было бы говорить о том, что нормы свода законов имеют юридическую силу источника, из которого они составлены, силу закона, сенатского указа, административного распоряжения или иного источника их происхождения.

Не менее дискуссионным является вопрос о юридической силе изданий Свода законов 1842 и 1857 гг. П. П. Цитович приравнивает издания Свода 1842 и 1857 гг. по их силе к Своду 1832 г., полагая, что каждое из этих изданий отменяло силу всех предшествующих законов, как вошедших в свод и его продолжения, так и не успевших туда попасть [9, с. 7–16]. Н. М. Коркунов, отрицающий за Сводом 1832 г. силу подлинного закона, тем более не признает за позднейшими изданиями иной силы, кроме присущей тем законодательным актам, по которым составлен текст свода [2, с. 331–332]. А. И. Каминка считал, что «так как последующие издания Свода входили в самый план и первого его издания, то, раз прямо не указано, что последующие издания будут иметь другую силу, нежели первое, такой вывод, явно ненормальный, не может презюмироваться» [1, с. 12].

Действительно, изначально свод законов планировался как периодический, перерабатываемый по мере изменения законодательства сборник. В указах о введении в действие Сводов законов 1842 и 1857 гг. (от 4 марта 1843 г. и 12 мая 1857 г.) нет никаких указаний на то, что издания свода отличаются по своей силе друг от друга. Этими указами отменялось предыдущее и вводилось в действие новое издание свода. Другими словами, одно издание свода заменялось другим, и, соответственно, с определенного момента необходимо было пользоваться новым изданием. Кроме того, как уже было сказано, каждое последующее издание свода было основано на предыдущем и являлось его переработкой с учетом изменений законодательства. Так же, как и свод законов 1832 г., его издания 1842 и 1857 гг. не были новыми законами, а представляли собой синтез предыдущей редакции свода и нового законодательства. При этом все три редакции свода объединяет единый порядок систематизации и введения в действие, принятый в 1826 г. перед составлением Свода 1832 г. Юридическая сила последующих редакций свода законов носила преемственный характер, и их юридическое значение оставалось неизменным. Нет оснований проводить различие в юридической силе изданий свода законов 1832, 1842 и 1857 гг. Каждая последующая редакция свода законов имела юридическую силу предыдущей. Своды законов 1832–1857 гг., не отменяя ранее действовавшие акты, были не новыми законами, а только актами их систематизации. Они действовали одновременно с их источниками, и лишь постольку, поскольку им не противоречили, имея юридическую силу самих источников.

Анализ юридического действия сводов законов российской империи 1832–1857 гг. позволяет сделать следующие выводы:

– своды законов 1832–57 гг., не являлись новым законом, не отменяли предшествующие нормативные акты и служили формой их систематизации;

– положения сводов законов имели юридическую силу источников их составления и при условии непротиворечия действовали параллельно с ними;

– юридическое значение редакций сводов законов носит преемственный характер, каждая последующая редакция основывает свою юридическую силу на предыдущей.

1. Каминка А. И. Сила свода законов // Право. 1908. № 1.
2. Коркунов Н. М. Значение Свода Законов // Журнал министерства народного просвещения. 1894. Сентябрь.
3. Лазаревский. Закон и свод // Право. 1899.
4. Лозина-Лозинский М. А. Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал министерства юстиции. 1897. №№ 4, 5.
5. Майков П. М. О Своде Законов Российской Империи. СПб., 1905.
6. Майков П. М. Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1906.
7. Пахарнаев А. И. Обзор действующего Свода Законов Российской Империи. СПб., 1909.
8. Победина Е. К вопросу о юридической силе Свода Законов // Журнал министерства юстиции. 1909. № 4.
9. Цитович П. П. Курс русского гражданского права. СПб., 1878.